

Лариса Романовская

Сылы иним

Встречное движение

Лариса Романовская

Сиблинги

«Самокат»

2019

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос-Рус) 6-445

Романовская Л. А.

Сиблинги / Л. А. Романовская — «Самокат», 2019 — (Встречное движение)

ISBN 978-5-91759-889-5

В будущем изобрели специальный прибор для изучения прошедшего времени – хронометр. И теперь Женька – почти супергерой, потому что может менять прошлое других. Как и остальные восемь подростков, живущих на искусственной планетке, будто братья и сестры – сиблинги. Все они уже прожили свою жизнь, но однажды что-то пошло не так. Лариса Романовская – лауреат премии «Книгуру» и «Новая детская книга». Фантастическая повесть «Сиблинги» вошла в короткий список конкурса «Книгуру» в 2017 году.

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос-Рус) 6-445

ISBN 978-5-91759-889-5

© Романовская Л. А., 2019

© Самокат, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
1	8
2	14
3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Лариса Романовская

Сиблинги

© Романовская Л., текст, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2019

* * *

Художнику Лене Ремизовой

*Я – это я.
Набрал я яблочк ящичк,
Ловил стрекоз
я солнечных, блестящих.
Я видел ягуаров и ягнят,
Я слышал, как ветра в траве звенят,
Я гладил ящериц янтарных наяву.
Я жил когда-то и опять живу!*

Дарья Герасимова

Пролог

Шестиклассника Женьку Никифорова вызвали с контрольной по алгебре. Он с самой перемены чувствовал себя как-то странно, но с другой стороны – контрольная же. Перед контрольной всегда слегка психуешь, даже если готов и всё такое. Он решал третье задание, когда понял: всё-таки надо выйти, иначе будет плохо. Хуже обычного.

Он положил тетрадь на стол математички, пошёл к двери. За спиной заржал Рыжов:

– У Артемона понос!

И Марина Генриховна рявкнула не на Рыжова, а на Женьку:

– Никифоров! Не мешай классу!

У него внутри как будто обрушилась ледяная волна – такая нестерпимо ледяная, что стало горячо. Он понимал, что вот он идёт вдоль доски к выходу из класса, и одновременно чувствовал, что вокруг него открылась огромная пустота. И в этой пустоте отчётливо встала мысль: чтоб ему сдохнуть, Рыжову. Чтоб им всем сдохнуть.

Женька даже поразился ясности этой мысли. Она давно была в нём, наверное, ещё с пятницы, с той истории в спортзале. Но только сейчас, в пустоте, мысль вдруг стала чёткой и простой, как ещё одна задачка на контрольной.

Женька больше не видел и не слышал ни Рыжова, ни Марины Генриховны, ничего. Он молча открыл дверь и вышел наружу.

Он думал, что выйдет в коридор второго этажа. Но вместо этого попал в чужой кабинет.

Потолок был выше, чем в школьном коридоре. Даже выше, чем в проклятом спортзале. Яркие лампы, белые стены, длинный стол. За ним сидели пожилой дядька в синем халате и лохматый парень, на вид лет восемнадцати, в тёмных очках. Женька этих двоих никогда раньше не встречал.

Парень приподнял очки и сказал:

– Никифоров Евгений. Вроде успели.

Они смотрели на Женьку, а он думал: сколько до конца урока? Он знал, что в третьем задании ответ будет «минус единица». Ещё он думал, что скоро вернётся. И что Рыжов должен сдохнуть. Все они должны сдохнуть.

Пожилый протянул руку, тронул на столе перед собой какой-то предмет... Песочные часы. Только что сверху вниз просыпались последние песчинки.

– Что ж ты так долго не шёл, Никифоров Евгений? – сказал он как будто даже с огорчением.

– Контрольная же, – машинально пояснил Женька. – Но я... меня... Куда я не шёл? Что это здесь... вообще?

Пожилый отозвался вопросом на вопрос:

– Ты веришь в жизнь после смерти?

– Не верю, – почему-то соврал Женька.

– И правильно, – кивнул пожилой. – Смерти нет. Если жизнь не заладилась, то спокойной смерти не жди...

– Пал Палыч! – удивился парень. – Рано же...

Женька зацепился было за эту мысль, насчёт «спокойной смерти», но тут у него за спиной что-то грохнуло.

Он обернулся.

Вместо двери обратно было толстое стекло. По краям обледенелое, как иллюминатор в самолёте. За стеклом вдруг быстро поплыла темнота. Мелькали редкие огни. Гудел пол. У Женьки заложило уши, словно кабинет набирал высоту.

Но так не бывает.

Женька хотел сглотнуть, чтобы в ушах щёлкнуло. Язык плохо шевелился, как после заморозки.

– Мы летим?

– Нет, плывём! – хохотнул парень. И добавил сразу, пока Женька не успел обидеться: – Давай уже знакомиться. Меня Максом зовут. А это Пал Палыч, он у нас главный.

– Не летим и не плывём, а перемещаемся, – Пал Палыч говорил спокойно. – Мы в лаборатории научно – исследовательского института – НИИ хронологии... Свет стал тусклым. В ушах шумело. Женька не всё слышал, но кивал. НИИ. Лаборатория. Эксперимент, значит.

Пол задрожал сильнее. До свободного стула было шага три. Женька сел. Все замолчали – тоже как в самолёте. Даже пристегнуться захотелось.

Потом шум закончился, свет стал ярче.

...Пал Палыч говорил про время. Женька слушал и не заметил, когда в ушах перестало гудеть. Максим положил голову на руки, как на скучном уроке. Как будто он уснул там, прямо в тёмных очках.

А Женьке было... кажется, интересно.

Пал Палыч рассказывал, что в будущем есть Институт хронологии, и там изобрели прибор, чтобы изучать прошедшее время. Прибор называется «хронометр». На нём можно посмотреть любую законченную жизнь – как фильм. Незаконченные смотреть нельзя, от этого всё портится.

Иногда человека в детстве называют «маленький Эйнштейн», «будущий Моцарт» и всё такое. Но он вырастает и становится обычным. Планы не сбываются. Когда эта неинтересная жизнь заканчивается, её можно отмотать на «хронометре» до того места, где этот человек ещё ребёнок, где он что-то сочиняет, изобретает и ему от этого хорошо...

И бывает наоборот: жил-был себе обычный человек, и вдруг с ним что-то случается. Что-то плохое. Или даже очень плохое. (На этих словах Макс приподнял голову, потом снова уронил её на руки.) Это тоже можно увидеть с помощью «хронометра». Когда жизнь закончилась.

Если человека забрать из прошлого, настоящее не изменится. Каждый законченный день – это как коробка. День прошёл, коробка захлопнулась и осталась в прошлом, будто попала на склад. Если её взять, никто не заметит – на склад заглянуть нельзя. Никому, кроме институтских.

– Значит, вы меня... забрали? – уточнил Женька.

Пал Палыч кивнул.

– А зачем?

– Затем, что дольше ждать нельзя было.

Вот всегда так. Вроде отвечают, но становится ещё непонятнее. Надо было спросить не «зачем», а «почему». У Женьки включилась логика:

– Вы меня забрали, потому что у меня что-то не сбылось?

Пал Палыч молчал. Женька снова почувствовал внутри себя ледяную и горячую пустоту.

– Потому что... со мной что-то случилось? – ответа не было. – Потому что моя жизнь закончилась?

Часть первая

1

Никто никогда не знает, куда делись ножницы. Даже если ножниц пять пар и все только что были на месте.

– А кто взял? Дядя Петя с мыльного завода? Всё, потом поищу. Юрка! Гошка! Руки мыть! Быстро!

Про дядю Петю – это поговорка Долькиной бабушки. Ещё бабушка говорила каждый вечер, прежде чем свет включить: «Занавесь окна, а то сидим как на юру, соседи смотрят».

Что такое юр, Долька до сих пор не знает. Но по вечерам, зажигая свет, она всегда задёргивает занавески. Хотя никаких соседей здесь нет. Только белки. Чёрные, рыжие, серые. Белки так кричат, будто одновременно мяукают и каркают. Они дерутся, гоняются друг за другом, прыгают чёрт-те откуда в самый неподходящий момент.

Вечереет. Долька идёт по комнатам, занавешивает окна. Чтобы не было «как на юру». Возвращается в кухню. Тут тепло, свет яркий, запахи густые и уютные. А ещё тут шумно.

– Вермишель с подливкой будете? – спрашивает Долька.

Слово «вермишель» вызывает дикий хохот. Ни почему. Просто слово странное.

– Гошка! Не вертись! Тебя никто стирать не будет!

И опять хохот под потолок, слова тонут в клубах пара. Чайник закипел.

– О, ножницы! Чёрт! Что вы ими резали?

Они переглядываются. Хихикают. Молчат. Лучше Дольке не знать, зачем им ножницы. Раз все на месте, какая разница. Смысла нет на них сердиться. За них даже бояться смысла нет – всё самое страшное с ними давно случилось. А остальное можно отстирать, заказать, простить или выдумать.

– Народ, кто у чайника звук отключил? Ну, кто ему свисток снял с носика? Не надо так больше. Всё, кто поел – брысь отсюда. Некрасов! Ты до завтра ужинать собираешься?

– До послезавтра, – Гошка давится словами и смехом. Сам пошутил – сам посмеялся.

– Хорошо, Некрасов, – очень серьёзно говорит Долька. – Я тебе постелю в кухонном шкафу.

– Лучше на плите, она тёплая, – Гошка блямкает вилок о тарелку. Подливка летит во все стороны. Дитя малое.

Долька очень хочет сказать: «Прибила бы, да поздно уже». Но это нечестно. Она молча грузит тарелки в посудомойку. А когда поворачивается к столу, Гошки там нет. В кухне стало тише раза в три.

Ирка с Людочкой молчат, потому что доедают. Когда я ем, я глух и нем. Близнецы молчат, потому что они почти всегда молчат. Между собой общаются вообще без слов. Им так удобнее. Тем более, что Серый заикается. Но Сашка его всегда понимает, как будто телепатия у них. А Юрка читает, в упор не видя, что в тарелке у него давно пусто.

Юра вот так умеет – вроде с ними, но сам по себе. А Витька Беляев точно так же отключался и сидел рисовал, в любом месте, в любом времени. Непонятно, как очень тихий и сосредоточенный Витька общался с бешеным Некрасовым... не просто общался – дружил. Мало ли, что почти одногодки, – характеры-то вообще разные, совсем.

Гошка – он как фейерверк или как динамит даже. А Витя спокойный. Наверное, спокойный за двоих. Сел, блокнот открыл – и привет. Долька так не умеет отключаться и не научится этому никогда. Всё-таки они разные очень, сиблинги.

Это Веня сказал тогда новое слово. Вениамин Аркадьевич, куратор. В тот вечер, когда пропал Беляев.

Долька помнит все подробности. Прокручивает их в голове, как кино.

Вечер, и она расставляет вымытую посуду. И тут Некрасов распаивает дверь кухни. И орёт – до звона в окнах:

– Доль! Тебя на проходной спрашивают! Сказать, что занята?

– А кто там?

– Веник Банный!

– Вениамин Аркадьевич. Скажи, подойду, – Долька улыбается.

– Долька, а знаешь, что такое: «Стоит гора, в горе дыра. Дай мне ответ! Да или нет?»

– Не знаю. Дверь закрой! С той стороны!

Замок лязгает. Стекло вздрагивает. В густом закатном свете, словно крупа в бульоне, плавают пылинки. Кружатся по спирали, вспыхивают в рыжих солнечных лучах. То, что тут светит, всё равно называют «солнце». Чтобы ещё и с этим не заморачиваться.

Долька выходит из кухни – медленно, осторожно. А по коридору почти бежит. Стемнело. В стёклах хорошо видно её отражение. Долька поправляет ворот рубашки, прячет улыбку и только потом задёргивает занавески... Веня приехал. Что-то случилось? А вдруг соскучился?

Веня – взрослый. Старший научный сотрудник, ассистент Пал Пальча, куратор планетки.

Веня умный. Рядом с Веней Долька как внутри кинофильма, где всё время звучит счастливая печальная музыка. Долька слышит её в шорохе сосен, в хриплых воплях белок. В шуме прибора.

Когда у куратора остаётся время, он мотается с подопечными на край планетки, к морю. Они жгут костёр на берегу. Пекут картошку, жарят хлеб.купаются на закате и в темноте. Ночью на море звёзды от влаги дрожат. Долька никогда не была там вдвоём с Веней.

Веня стоит на проходной. У него в авоське стопка круглых жестянок. Личные дела контингента. Обитателей полигона и потенциальных кандидатов. Веня протягивает авоську. Она только кажется тяжёлой, на самом деле жестянки лёгкие. У Вени очень красивые руки. И рубашка красивая, в клетку. Долька улыбается.

– Как живёте, Вениамин Аркадьевич?

– Твоими молитвами.

Он же сам доказал в диссертации, что Бога нет. Это глупо. Дальше спрашивать ещё глупее, но Долька всё равно говорит, не убирая эту совершенно идиотскую, счастливую очень улыбку:

– А грант вам дали уже?

– Нет, конечно. Слышала поговорку «Пока травка подрастёт – лошадка с голоду помрёт»? Ну, вот так. Пока нам все бумажки согласуют... Сама же знаешь, кто над нами и зачем.

Долька кивает, смотрит на авоську. Она знает – и сколько денег в их проект вбухано, и сколько ресурса лично на неё потрачено. А ещё Долька знает, что у неё больше никогда не будет вылетов. Ни за что в жизни. Даже если тут не жизнь. Но об этом можно не думать, когда рядом есть Веня. Когда он есть.

– Если дадут, вы мне скажите, ладно? Я за вас радоваться буду.

– Скажем, без вариантов. Если дадут – тебе же новых принимать. Справишься, Долли?

– Без вариантов, – она пробует скопировать Венины интонации. Глупо выходит. Ужасно глупо.

Авоська в Долькиной руке качается, как маятник, туда-обратно. На каждой жестянке жёлтая наклейка «Для служебного пользования» и подпись Пальча – чёрным несмываемым фломастером. И печати – круглые, квадратные. Институтские. И академии наук. И министерства обороны. И ещё какого-то учреждения – там только заглавные буквы, ПРНГ, что ли. Будто

ребёнок дорвался до пишущей машинки и давил на все кнопки подряд. Где-то там, за печатами и аббревиатурами, на каждой жестянке стоит Венина подпись. И поэтому хочется наклейку оторвать и спрятать. И никому никогда не показывать.

– Я всё разберу, – врёт Долька.

В личных делах давно ад кромешный, всё распихано по шкафам и переезжает с места на место. Копаться в этом добре Дольке то некогда, то лень.

– Спасибо, – Веня вытаскивает из кармана свёрнутые трубкой бланки.

Сейчас Долька их заберёт и тоже скажет «спасибо». И всё.

– Долли, в расписании «окно» хорошее. Хэллоуин. Городок маленький, детей любят, русских много, конфет тоже много. Соберёшь всех?

– Конечно, соберу. Я спросить хотела...

В коридоре слышны шаги. Очень звонкие. Босиком по мокрому линолеуму! Сразу и уборке кранты, и чистым ногам!

– Некрасов! – выдыхает Долька.

Гошка несёт куда-то старый бикс. Отбивает по блестящему боку ритм. Веня пробует перекричать:

– Некрасов, собирайся, за конфетами пойдём! И сиблингам своим скажи...

– Кому?

– Братишкам, сестрёнкам. Всем, короче.

Когда у родителей только сыновья, одни мальчишки, то они друг другу братья. Когда девочки, то сёстры. А когда те и другие? Если одним словом? Тогда – сиблинги, вот как.

На секунду Долька касается Вениной ладони. Тёплая. Губы тоже тёплые. Ну, Долька так думает. Главное – не краснеть. И чтобы голос не дрогнул.

– Народ! Кто хочет конфет? Бегом за костюмами, кто не успел, тот опоздал!

Ей самой карнавальным костюм не нужен. И конфеты тоже. Дольке бы поговорить с Веней, наедине. Набраться смелости и сказать то, что думает. Может, получится? Прямо сегодня, совсем скоро?

...В весёлой незнакомой темноте никто и предположить не мог, что они – настоящая потусторонняя сила. Сиблинги выглядят как обычные дети. Весёлые, шумные, в карнавальных масках, с конфетами в карманах и во рту.

– Юрка, меняться будешь? Квадратное на зелёное?

– Тянучка?

– Шипучка! Во рту взрывается!

Они бегали от дома к дому, менялись масками и дурацкими шляпами. Выкрикивали весёлую бессмыслицу, типа «кошелёк или жизнь». Все выбирали «жизнь». Все орали и хохотали. Даже Серый, хотя он вообще заикается.

Они сворачивали за завешанные искусственной паутиной кусты. Бежали к домам, из которых доносились такие же искусственные, из фильма ужасов крики. Постучали, напугали, заржали, поблагодарили. Двинулись дальше, сквозь толпу таких же радостных мелких зомби и упырей. Одним нужны конфеты, другим чужой уют. И конфеты тоже.

– От меня ни на шаг! – командовал Веник Банный.

– Ага, щаз!

– Такое «щаз» бывает через час!

– Витька, я всё слышала! Гош, не отставай...

Веня медленно шёл по тротуару. Долька за ним. А Макс – за Долькой. Не вдвоём, как она хотела, а втроём. Ни о чём не спросишь, не объяснишь.

– Мы сворачиваем! Сашка! Серый!

Дольке хотелось крикнуть, словно с балкона: «Быстро домой! Уроки делать! У-жи-нать!» Но они вернутся на рассвете, и получится «зав-тра-кать».

– Люда! Ирка!

– А Некрасов где? – спохватился Вениамин Аркадьевич. – Максим, ты видел?

– Да вроде с нами был... – когда Макс хмурится, он сразу становится старше.

– Он там стоит, – Витька Беляев показал куда-то себе за спину. – Сказал, что голова кружится.

– Никому никуда не уходить, – скомандовал Веня. – Вон у того платана встаньте.

– Это сикомора, – Максим вертел что-то в руках, в темноте непонятно, но неважно.

– Это одно и то же.

Веня пошёл назад, Долька за ним. Может, они успеют поговорить? Но им сейчас не до того. И идти совсем недалеко – до ближайшего перекрёстка.

Гошка в карнавальной маске сидел, прислонившись к чужому забору. Смотрел на мир, словно сквозь песочные часы. Долька присела рядом, пощупала лоб: холодный. Даже слишком.

Дольке всегда кажется, это она виновата, хотя идея с чужим праздником – Венина. Сейчас не нужно признаваться ему в любви. Хотя хочется.

Вокруг иллюминация, завывания ненастоящих чудовищ и светящиеся пластмассовые черепа. Всем весело, интересно.

– Гош, ты в порядке? Что случилось?

– Не знаю. Голова кружится.

– Идите к нашим, а мы домой, – Долька посмотрела на Веню, потом на тёплые огни чужого городка.

Вениамин Аркадьевич пошёл, не обернувшись. Долька вздохнула и обхватила Гошку, помогла ему подняться.

– Сейчас тихо станет. Потерпи. Капельку потерпи.

Долька довела Некрасова до ближайшего дома, поднялась вместе с ним на крыльцо. Входная дверь была закрыта неплотно. Слышался разговор на английском. Что-то про конфеты и соседских детей. Долька спохватилась, что в ладони до сих пор зажата шоколадка – Людочка поделилась, – сунула шоколадку в карман:

– Домой вернёмся, чаю попью.

Гошка молчал, прикусывал губу. Тошнит его, что ли? Ой, ёлки...

Долька резко распахнула дверь. За ней никого и ничего. Чёрная тёплая пустота. Ветер в лицо. Прыгать всегда страшно, но она же старшая.

Сиблинги вернулись домой через пару часов, усталые, весёлые, перемазанные шоколадом.

И тут же – крик, беготня... Беляева нет!

Где он, куда делся? Прыгали все вместе. Все здесь: Сашка, Серый, Ирка, Людочка и Макс. Гошка с Долькой. А где Витька – неизвестно.

Пропал? Сбежал?

Близнецы быстро смотались на базу, думали, вдруг он случайно туда попал. Нет.

Вениамин Аркадьевич сразу рванул в НИИ – проверять координаты, получать выговор, искать следы. Макс засел на связи с техниками, они на уши встали – вдруг сбой системы? Но нет, неполадок не обнаружили. Все траектории отследили, все перемещения подтвердились. Кроме Беляева.

По всему выходило, что Витька переместился сам, без заданных координат. Непонятно зачем и чёрт знает куда. И сейчас, ясен пень, вылеты прикроют, непонятно на какой срок. А у них по графику – Женя Никифоров, ну, тот самый, помнишь же... С ним тянуть нельзя.

Долька кивала, сочувствовала Макс. Наводила порядок, следила, чтобы все шли спать. Потому что вылеты вылетами, а с утра матчасть никто не отменял, Юр, ну отложи ты книжку эту, с утра ж не встанешь, ну как маленький...

Юра не спорил. Все были встревоженные, притихшие, растерянные. Такого у них не случилось никогда. Переброска всегда исправно работала, никто не исчезал.

Долька переживала: если бы она не отвлеклась на Гошку, не занялась самым младшим, то ничего бы не случилось. Тем более, что тот сразу, как домой вернулись, ожил и начал скакать вокруг, задавая идиотские вопросы. Опять её косяк. Правильно, что она отказалась от вылетов. Незачем.

...Долька поправляет занавеску:
– Как на юру!

И сегодня день начинался вроде бы нормально. Макс всё утро сидел на связи с НИИ. По Витьке Беляеву так ничего и не выяснили, но решили вроде бы, что с ограничениями нет смысла, вылеты пойдут по графику. И Макс сразу заторопился за этим новеньким, по которому сроки горят.

Это не очень-то принято обсуждать, но Дольке Макс сказал, что трудный случай. Шести-классник проблемный, за ручку его не приведёшь, надо будет как-то его вызывать, чтоб он попал куда надо. Ну, ничего, лаборатория всё рассчитала.

Долька уверена, что Макс справится. У него всё получается, он удачливый. Каждый вылет – образцовый, хоть в учебники вставляй. Не то что у Дольки.

Но об этом думать некогда.

А после обеда приехал куратор. Когда на проходной загудел лифт, Долька поняла, что волнуется. Сильнее обычного. Не из-за того, что новенький, – мало она, что ли, новеньких видела за эти два года? Из-за Вени, Веника Банного, Вениамина Аркадьевича.

Долька выскочила на шум лифта, обрадовалась, стала расспрашивать, толком не понимая ответов. Потом дошло: всё в порядке, новенького вытащили, скоро его Макс привезёт. Долька сразу засуетилась, начала прикидывать, что там с комнатой, не в Витькину же человека селить. Её дело маленькое – объяснить новичку, как у них тут всё устроено. А про технику безопасности и без Дольки расскажут. У сиблингов куратор есть, специально для этого: и для ТБ, и для ЦУ, и для всего остального.

Вениамин Аркадьевич ушёл в мастерскую – налаживать хронометр. Новенький придет – ему хронику показать надо, объяснить, что, собственно, в его реальной жизни пошло не так...

Почти сразу в мастерской возник Гошка Некрасов. Стал задавать вопросы, умные и не очень. Вениамин Аркадьевич от него сперва отмахивался, потом завёлся, даже, по доброте душевной, вскрыл жестянку от старого вылета, списанную... Показал чей-то прожитый день – уже в исправленной версии. Разрешил промотать чужую жизнь, на пару часов вперёд. Некрасов тыкал в кнопки и от полного восхищения даже чего-то декламировал шёпотом... Ну, по крайней мере, сам Гошка верил, что это шёпот.

Потом опять загудел шлюз, и голос Макса сказал бодро:
– Жень, вытряхивайся. Мы на месте.

И все, разумеется, тоже вытряхнулись в коридор – разглядывать новичка.

Новенький – невысокий, волосы тёмные, лицо бледное, ну как всегда, после переброски-то, – стоял рядом с Максом, смотрел недоверчиво, не очень понимая, где он находится... На планетке. Где-где?

Веник Банный вышел из мастерской, стал терпеливо и привычно рассказывать про планетку. Долька этот текст помнила практически слово в слово, могла бы и сама озвучить... Но это ж Веня. В общем, она стояла, смотрела, стараясь не пялиться на Веню совсем уж в открытую и не улыбаться так по-дурацки.

А Макс пожал Венику руку и заговорил деловым-деловым тоном, типа Макс весь из себя такой институтский спец, без него НИИ развалится и все вылеты накроются.

– Ну, всё, Жень, давай осваивайся. А вы хронометр уже прогрели, Вениамин Аркадьич?

2

Поэму Некрасова «Дед Мазай и зайцы» Гошка Некрасов наизусть читал раз сто. На утренниках, перед бабушками во дворе, в очередях и, разумеется, перед маминими гостями. Гошка гостей тихо ненавидел.

Чужие тётки и дядьки приходили по выходным, кидали пальто на Гошкин диван. Заполняли собой всю комнату. И давай крошить вилками холодец (а он дрожит от страха!), звенеть рюмками. Они шумели, курили, отвлекали. Потом начиналось: «Гога, почитай нам стишок!»

Кто-нибудь подхватывал Гошку, ставил на табурет. Гости замирали с вилками наперевес. Ждали, что Гошка по-быстрому оторвёт мишке лапу или забудет зайку под дождём. Ему выдают шоколадку и скажут: «Молодец, Гога! Иди гуляй».

Для Гошки это «Гога» было как знак «заминировано». Он взрывался.

Хотите стишок – пожалуйста! Он топал ногой, проверял табурет на прочность. Объявлял: – Николай Алексеевич Некрасов! «Дед Мазай и зайцы»!

У гостей от нетерпения начинали дрожать вилки. Они думали, Гошка прочтёт пару строк и собьётся. И можно будет мирно закусывать. Ага, конечно! Гошка вытягивал руку и начинал читать. Мама готовилась подсказывать. Тётки так улыбались, что казалось – у них на губах помада лопнет. Гошке каждый раз было смешно: полная комната гостей, и все сидят смирно, не едят. И пока «Дед Мазай» не кончится, так и будут вежливо кивать.

«Это культура воспитания, учись, Егор! А то вырастешь и станешь дворником!»

Вообще-то он точно знал, кем станет. Выдающимся человеком!

Он бы и стал. Если б не Америка.

Среди тех, кто приходил к ним в гости, был один... Мама то кричала на него, то хохотала, хотя он ничего смешного не говорил, то уходила вместе с ним на лестницу, когда тот шёл курить, и тогда от мамы весь вечер пахло табаком, противно и очень долго.

Гошка не сразу заметил: гости теперь собираются чаще, но их куда меньше. И от Гошки больше никто не требовал читать «про зайцев», чаще наоборот – его выгоняли из кухни, разговаривали без него вполголоса. Он подслушивал, конечно, и не понимал, зачем эти секреты. Обсуждали ведь то же самое, о чём теперь говорят по телевизору. Про то, что так дальше жить нельзя, по крайней мере здесь – точно нельзя, а где-то ещё – может, и можно. Про то, кто лучше, Горбачёв или Ельцин. Про свободу и колбасу, про книги, за которые раньше «могли посадить», про Сталина, репрессии и доносы... Но тут хоть понятно, чего Гошку за дверь гонят: «Что ты матом при ребёнке!» Можно подумать, он мат в школе никогда не слышал. Лучше бы они не пили при нём, вот что.

Когда гости уходили, Гошка пытался спрашивать. Почему у нас есть очереди и талоны, а у них нету, и если там тоже будут – мама всё равно будет повторять, что «здесь дальше жить нельзя»? Да почему нельзя-то? Вот, например, шахтёры и врачи бастуют, разве им заплатить не могут? Почему? Что значит – воруют? Где, кто? А если нет такого закона, чтоб воровать, то почему бывают «воры в законе»? И если все понимают, что у нас так несправедливо устроено, то можно ли это как-то исправить, так, чтобы было не хуже, чем в других странах? Чтобы не уезжать, а прямо здесь сделать, как там? Может, если все будут стараться, так и получится?

Мама сердилась, говорила обидное: «Тебя забыли спросить. Активист нашёлся! Диссидент непризнанный».

Иногда приходил только один... ну, тот. Он теперь ещё сильнее пах табаком, а мама – духами. И оба – вином. И Гошку они всё пытались выпроводить из квартиры.

«Егор, ну... сходи погуляй... Куда ты там ходишь? В библиотеку? Ну вот, давай, в библиотеку».

Из дома уходить не хотелось, а хотелось, чтобы это всё кончилось уже наконец. Однажды вечером Гошка рванул дверь подъезда, а там не двор, а белая комната, Пал Палыч и Вениамин Аркадьич. И хронометр с плёнкой. А на плёнке – то, что будет дальше.

Он сам, мама и мамина «новая личная жизнь»... Гошке даже сквозь экран чуялся этот чёртов табак. И всякие другие запахи, знакомые и не очень. Знакомые – это пока они, уже втроём, жили в том самом доме. А новые – это позже. Совсем в другом городе, даже в другой стране. Потому что этот мамин «новый личный» решил эмигрировать, с женой и приёмным сыном.

«Егор, да мне вообще плевать, чего ты там хочешь, а чего – нет! Другие удавиться готовы, лишь бы свалить... Ты мне потом сто раз спасибо скажешь!»

Гошка не сказал.

Он рос дальше, чётко зная, что у него в жизни всё не так – именно из-за эмиграции. Чужая страна, чужой язык, чужие люди. Они не понимают, над чем смеёшься ты, а ты не понимаешь их. Зато и здесь, опять, каждые выходные приходили новые мамы знакомые, тоже эмигранты. Приходили, шумели, курили, пели хором, плакали, стучали по столу кулаками, ругали теми же самыми словами, но теперь – совсем другую страну.

Гошка снова сваливал из дома – теперь это был совсем чужой дом, двухэтажный, белый, с пальмой у крыльца. И идти было совсем не к кому, и всё время казалось, что, если вернуться обратно, прилететь из Америки домой, там всё будет точно как в тот день, когда они эмигрировали.

Гошка (теперь вообще Джордж, потому что тут имени «Егор» не было) решил, что вырастет и вернётся на родину. Так и рос с этой мыслью – в школу ходил, потом в колледж, потом в офисе работал, потом в другом офисе. А потом всё-таки слетал, думал, что домой. Но там тоже всё было другим, чужим и ему не нужным. И он там не был нужен никому.

А если бы не увезли его в Америку, то был бы нужен! Он бы на юриста выучился, законы бы все знал! И пошёл бы в депутаты... Чтобы не было такого: одним всё, а другим ничего! Чтобы люди не стояли в огромных очередях, чтобы квартиры у всех нормальные. И с преступностью покончить! Ну, не сразу, может быть, а постепенно.

На планетке Гошка испугался только однажды, когда понял, что теперь придётся спать в отдельной комнате, одному. Страшно! Он привык в той же комнате, что и мама, на своём диване за шкафом. А тут всё не так. И ночью страшно, даже когда дверь в коридор открыта и там свет горит.

Тогда Витька Беляев сказал, что можно у него в комнате вторую кровать поставить, всё нормально будет, там места два раза до фига. Только чтобы Гошка рисунки не трогал и карандаши с красками. И не лез с вопросами насчёт этюдов и эскизов. И не просил его нарисовать, и не...

Но Гошка всё равно лез. А перед сном они разговаривали. Иногда – про реальную жизнь. Витька хотел вернуться в своё время и на себя там посмотреть. Его на этом прямо заело. Он, оказывается, каждый вечер, чтобы заснуть, представлял, как к себе домой идёт – в подъезд входит, пешком поднимается на второй этаж, как дверь открывает, у него верхний замок поворачивается в одну сторону, а нижний в другую. Как потом кота отгоняет, чтобы тот на лестницу не выбежал, и входит... домой.

А Гошка не хотел в свою жизнь. В ту, которая у него получилась в Америке.

У Витьки рисунок был: открытая дверь в квартиру, на пороге стоит белый кот с чёрным ухом. У кота ещё кончик хвоста чёрный, но на рисунке не видно. А кота зовут Беляк, потому что Витька – Беляев.

Витька эту дверь рисовал несколько раз. Наверное, по памяти. А Гошку тоже рисовал, «с натуры». Хотя потом сказал, что по памяти было бы проще, потому что Гошка вертится всё время и рожи корчит. А Гошка не корчил, он старался не чихнуть, хотя хотелось, а потом, конечно, чихнул... Когда Витька не вернулся, все за него переживали, куда он пропал, что с ним, как он там... Долька плакала, хоть и не маленькая, как Людочка. Макс психовал, бросался на всех, и на Гошку тоже. А Гошка не понимал, почему никто ничего не делает! Надо же выяснить, понять! Должны же быть какие-то способы. Например, хронику Беляева если просмотреть до конца, то вдруг там понятно будет, куда он делся...

Когда Макс всё-таки привёз Женьку, все обрадовались. Значит, временной тоннель не перекрыт, вылеты не отменяются... Гошка радовался больше и громче всех. Потому что знал: новичку всегда прокручивают хронику. Мастерская открыта, машина в свободном доступе. Остаётся только выбрать момент и Витькину плёнку достать из ящика...

Ну, вот, дождался. Вениамин Аркадьич и Долька с Максом повели новенького в гараж, наверное, начали ему говорить, что планетка – маленькая. И что она на самом деле вообще не планетка, а типа домика в стеклянном шаре. Тут всё настоящее: и дом, и сосны, и белки, и море... Только снаружи не стекло, а... в общем, старшие про такое понятнее объяснят.

Голоса стали тише, потом щёлкнула дверь гаража. Гошка замер на пороге мастерской, потом заперся внутри. Полез в ящик шкафа. Витькина хроника весила как его собственная. А казалась тяжелее. Может, от страха?

Ручка двери качнулась, в коридоре Людочка что-то спросила неразборчиво, потом ушла. Гошка быстро положил плёнку в пустой отсек хронометра, вытер о футболку мокрые ладони.

Замерцал экран. Отсветы легли на серый линолеум. Гошка сел на квадрат жёлтого света, словно на половичок. Уставился на экран. По нему стаей мошкары полетели чёрные и жёлтые пятна...

Жизнь начиналась почти как Гошкина. У них с Витькой первое чёткое воспоминание было похожим, про снег. Он проносится мимо окна, и земля становится другой, новой, загадочной.

На экране Беляев был дошкольным и круглощёким. Не очень похожим на себя.

Вдруг аппарат загудел так, что Гошка подумал: может быть взрыв. Непонятно, какой силы. Отскочил в угол, к стеклянному шкафу. Нет, сюда осколки долетят! Дальше надо! Метнулся наискосок, под огнетушитель. Замер.

Изображение тем временем стало бурым – будто залилось водой, в которой мыли грязные акварельные кисточки. От хронометра повалил дым. Замкнуло! Конечно, Гошка сразу выдернул провод из розетки. Но внутри машины кипело пламя.

Над головой завывала пожарная сигнализация. Наверное, без этого воя Гошка бы лучше соображал. Но он всё-таки дёрнул задвижку, выскочил в коридор, захлопнул за собой дверь.

Мигали лампы. Стелился бурый дым. Тут бетонные перекрытия. Огонь не ползет дальше. Но материалы сгорят...

Кажется, должно что-то сработать – так, чтобы пена полилась с потолка. А она не льётся. Гошка помчался к проходной, проскочил поворот. Замер. Испугался. Надо было дальше – бежать, шевелиться, что-то делать. А он стоял, закрыв уши ладонями. Смотрел, как под потолком мигают аварийные лампы, как вспыхивают зелёными таблички «Выход». И тут, как по команде, из разных дверей выскочил народ. Сразу поднялась суета.

– Что у нас?

– Замыкание.

Долька схватила ручной огнетушитель, Макс – второй. С потолка наконец-то полилась едкая пена.

– Что горело?

– Хронометр замкнуло.

– Ты зачем его трогал? Гош, тебя Палыч убьёт.

– Не убьёт. Мы неубиваемые!

– Некрасов! – а вот и Веник. – Неубиваемый нашёлся! Да тебя душисть надо было, поганца, в зародыше!

– Вениамин Аркадьевич, непедagogично!

– Я обесточил, Вениамин Аркадьевич!

– Разошлись, не лезем, чего не видали!

– Тут новенькому плохо, вот чего!

Новенький лежал на полу, рядом с выходом из гаража. Видимо, испугался или голова закружилась, вот и сполз по стеночке. Близнецы его подхватили, унесли наверх, в ничейную комнату. Пульс-дыхание-сознание, всё проверили, скоро в себя придёт. Юра сказал, что идите, не толпитесь, он до ужина тут посидит, подежурит – и показал толстенную книгу с закладкой в самом начале. Гошка такую месяц бы читал, наверное. А Юра за вечер может, если его не отвлекать.

3

Веник скоро уехал, с Долькой не попрощался. Да он с ней и не здоровался вообще-то.

Пока разбирались с коротнувшим хронометром и укладывали новенького, снаружи начался дождь, тёплый, но долгий, скучный. Мокрые сосны стали похожи на ёршики для бутылок. Долька распахнула все окна, но вонь от жжёной пластмассы не выветрилась, а смешалась с ароматом мокрой земли, сосновых иголок, лесных цветов...

Наверху запах горелого был меньше. Поэтому они и ужинали здесь, в большой комнате, у распахнутого окна. Оно выходило на крышу галереи. Видно было, как вода стекает вниз по черепице. Поели, оттащили вниз посуду, снова собрались вместе, как всегда бывает в дождь. Разбредаться по комнатам не хотелось, а нового кино не было. Валялись на ковре, шуршали конфетными фантиками, играли в длинную, почти бесконечную словесную игру, которую однажды не то вспомнил, не то изобрёл Юрка.

Сам Юрка, естественно, играл и читал, одновременно, как всегда. И выигрывал. А Некрасов, который обычно отвечал раньше всех и подгонял других, сегодня молчал, сбивался и потому вылетел в первом же раунде. Посидел в углу дивана с обиженным видом, потом попробовал незаметно слинять. Макс с Долькой сразу засекали, в четыре глаза, и заинтересовались, на два голоса:

– Гоша, ты куда?

– Не всё ещё сегодня раздолбал?

– Я хотел на новенького посмотреть...

– Дятел, а вот нафига?

– Гош, да оставь ты его в покое.

– Ну, мне интересно.

– Сиди уже...

– Надо будет – сами разберёмся. Макс, давай ты до полуночи подежуришь, а я до утра?

Или наоборот.

Стемнело, а дождь всё шёл, не прекращался. Все разбрелись спать или делать вид, что спят. Максим сел с гитарой в коридоре, прислонился к дверному косяку. Рассматривал своё отражение в тёмном стекле галереи. Тренькал на одной струне. Звук метался по дому. Дольке он напоминал крики чаек. Бабушка говорила, чайки – это души погибших моряков. И поэтому у них на крыльях чёрные траурные повязки. Долька не любит, когда чайки орут. И когда Максим вот так гитару мучает. Она не выдержала:

– Ну, что ты их дёргаешь, как кота за хвост? Глупо же.

– На себя посмотри. Бегаешь за ним, как дура, – Максим потянул струну. Гитара охнула, ей было больно.

Они сидели вплотную, касались друг друга плечами, коленями.

– Макс, знаешь, как мне фигово было, когда мы сюда попали? Тихо, как в гробу, планетка пустая. Ты мрачный, на меня вообще не смотришь. Вене обратно пора, а я в него вцепилась, как мартышка. И не знаю, чего больше боюсь – с тобой вдвоём оставаться или того, что чужая планета...

– Ну, теперь-то не боишься?

– Не перебивай. Ты куда-то свалил, а меня Веня спрашивает: «Сколько лет было Адаму и Еве, когда они оказались на Земле?» И я говорю не задумываясь: «Шестнадцать». И всё, перестала бояться. Потому что они были как мы.

Максим поморщился. Долька подождала, потом спросила:

– А ты себя в первый день помнишь?

– Нет, – Максим снял с колен гитару. Поставил её вертикально, между собой и Долькой.
Щит. Ограждение.

– Тогда я тебя тоже не помню...

В окна галереи лупил дождь. Капли звенели о жестяной подоконник – будто с неба мелочь просыпали.

– Знаешь, почему меня Долорес зовут? Дед захотел. У него одноклассницу так звали. Она была настоящая испанка, дочь революционеров. Она потом из Союза уехала. Дед её всю жизнь любил. Думал, дочку так назовёт. А у него сын родился. Мой папа. И тогда дед...

– А ты знаешь, как «Долорес» с испанского переводится? – перебил Максим. – Вообще-то «боль», «беда»... А виа Долороза – это улица, по которой Иисус с крестом на Голгофу шёл.

– Вот видишь. Меня на самом деле Беда зовут. Вы все – Долька, Долька... А я – Тяжкая Доля...

Макс вскочил, взвалил гитару себе на спину. Сделал вид, что бредёт, изнемогая под тяжестью.

– Кто ещё дурак-то? – спросила Долька. – Как дитя малое.

– Да тебе же нравятся дети малые, – огрызнулся Макс. – Весь этот детсад. Кашу варила, деток кормила. Так и будешь им всю жизнь коленки штопать?

– Ага. Всю вечность. И штопать, и спать укладывать.

– Эксперимент века! Операция «Детки на планетке»!

– А какие варианты?

– Рапорт написать не хочешь? Раскаялась, осознала, отработала... Восстановите в той же должности. Что, трудно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.